

Галина Петкова

„Домашняя литература...“

и ее соседи среди филологических трудов П. Бицилли первой половины 1930-х гг.

Статья¹ П. Бицилли „Die „Haus“-Literatur und der Ursprung der klassischen Literatur in Russland“ опубликована на немецком языке в авторитетном ежегоднике *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven* за 1934 г.² Этот ежегодник издавался Институтом Восточной Европы в Бреслау (ныне Вроцлав), одним из ведущих центров славистики в Германии с 1918 по 1945 г. Из первой сноски к работе, на стр. 382, становится ясно, что текст является переводом с русского языка, осуществленным д-ром В. Франком из Берлина³. В более поздней работе, напечатанной в *Ежегоднике Софийского университета* за 1936 г., „К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в Новое время“, Бицилли трижды отсылает к своей статье на немецком языке и цитирует ее заглавие – раз полностью (на стр. 5) и дважды в усеченном виде как „Die „Haus“-Literatur“ (на стр. 32 и 38). Немецкоязычный вариант пока единственная находка⁴, на основании которой можно восстановить русский текст, поэтому предложенное здесь заглавие – „Домашняя“ литература и истоки классической литературы в России“ – является в первую очередь переводным.

Статье не удалось войти в активный фонд литературоведения: историки русской литературы ее не замечали, изучающие Бицилли просто перечисляли в списке трудов профессора, но те и другие проглядели ее концептуальность. Единственным исключением, пожалуй, был В. П. Вомперский, который отнесся с профессиональным интересом к этой работе. В своем предисловии к изданию „Избранных трудов по филологии“ П. Бицилли в 1996 г. он указывал на ее научную ценность:

„Следует заметить, что П. М. Бицилли является создателем теории влияния так называемой литературы домашнего чтения – воспоминаний, мемуаров, записок, частных писем, дневников и др., которую он по-немецки назвал „Haus“-Literatur, на судьбы среднего стиля русского литературного языка второй половины XVIII – начала XIX вв., на характер выработки его норм“⁵.

¹ Жанровая идентификация принадлежит профессору. См.: Бицилли, П. К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в Новое время. – В: *Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет*. София, 1936, № 32, с. 32, 38.

² Bicilli, P. Die „Haus“-Literatur und der Ursprung der klassischen Literatur in Russland. – В: *Jahrbücher Für Kultur Und Geschichte Der Slaven*, 1934, № 10 (3/4), с. 382–420.

³ Речь идет о Викторе Франке (1909–1972), старшем сыне выдающегося философа и теолога Семена Людвиговича Франка (1877–1950). Он окончил в 1936 году Берлинский университет, где изучал русскую историю и получил докторскую степень доктора философии за работу по истории русско-китайских отношений в XVII веке. Впоследствии работал литературным критиком и радиожурналистом, возглавлял отдел радио „Свобода“ в Лондоне. Идентифицировать личность переводчика статьи Бицилли мне помог Сергей Новожилов (Констанц), которому приношу свою благодарность.

⁴ В описи архива Бицилли, хранящегося в Пушкинском доме, нет указаний о рукописи под таким названием. См.: Герашко, Любовь, Владимир Кудрявцев. Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского дома. – В: *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 годы*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009, с. 57–222.

⁵ Вомперский, В. П. Петр Михайлович Бицилли. Жизненный и творческий путь. – В: Бицилли, П. М. Избранные труды по филологии. Москва, Наследие, 1996, с. 17–18.

Реконструкция творческой истории предполагает ответить хотя бы на несколько вопросов: в каких обстоятельствах и когда статья была написана; явилась ли публикация в германском солидном ежегоднике результатом двуязычного бытия текстов Бицилли, когда один и тот же труд печатался на русском и на другом европейском языке⁶; почему выбрано для публикации именно это славистическое издание, и был ли свободен Бицилли в своем выборе?

В последнем абзаце „*Домашней* литературы ...“ дважды используется наречие „jetzt“ (сейчас, ныне, теперь), уточняющее издание „второй части“ романа Бунина „Жизнь Арсеньева“. Под „второй частью“ подразумевается пятая книга романа Бунина, которая публиковалась в 52-м и 53-м номерах журнала „Современные записки“ за 1933 г. Первая же часть – это издание романа Бунина отдельной книгой, осуществленное издательством „Современные записки“ в 1930 г. Конструкции „ныне выходящий“ и „публикуется сейчас“ (в переводе с немецкого) указывают, скорее всего, на факт, что, когда статья писалась, роман Бунина все еще печатался в журнале, т. е. речь идет о времени после выхода 52 номера „Современных записок“, который появился в конце мая – июне 1933 г.⁷ Если учесть время, необходимое, чтобы журнал дошел до Софии, вероятнее всего текст Бицилли, если не писался, то дописывался или был закончен в июне или после июня 1933 г.

Труднее предположить, когда Бицилли начал работу над статьей, но тематически и концептуально „*Домашняя* литература ...“ буквально вырастает из второй части „Хрестоматии по истории русской литературы“, посвященной русской литературе XVIII века и напечатанной в Софии в 1932 г.⁸

С конца 1920-х по 1933 г. и в 1935 г. П. Бицилли, как член Русского академического союза, участвовал в различных учебных комитетах и комиссиях (при Уполномоченном Земгора в Софии и Министерстве иностранных дел Болгарии), осуществляющих руководство русской эмигрантской школой⁹. В начале 1930-х гг. по поручению Земгора Бицилли составил двухчастную „Хрестоматию по истории русской литературы“, предназначенную удовлетворить нужды эмигрантской школы. Первая часть хрестоматии „Народная словесность и литература допетровского времени“ вышла из печати в июне – начале июля 1931 г., вторая – „Литература XVIII века“ – не позже мая

⁶ Об этой тенденции говорит М. Бирман, рассматривая издания „Места Ренессанса в истории культуры“ в Болгарии и во Франции. См.: Бирман, М. А. Н. Л. Гурфинкель – переводчик и издатель трудов П. М. Бицилли. – В: Русское еврейство в зарубежье. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Том 5 (10). Составитель, главный редактор и издатель М. Пархомовский. Иерусалим, 2003, с. 34–35.

⁷ По мнению Р. Дэвиса, основанном на ряде писем, кн. 52 „Современных записок“ вышла в июне 1933 г. В хронике О. Коростелева и М. Шрубы указан конец мая. См.: Отзывы критики на «Современные записки» (Париж, 1920–1940): материалы к библиографии / Сост. Олег Коростелев при участии Манфреда Шрубы. – В: Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). Сборник статей и материалов. Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2010, с. 502. Выражаю свою признательность Ричарду Дэвису и Манфреду Шрубе за помощь в уточнении сроков выхода из печати 52-го и 53-го номеров „Современных записок“.

⁸ Бицилли, Петр. Хрестоматия по истории русской литературы. Часть II. Литература XVIII века. Париж: Издание Родина и Родная речь. Склад издания УМСА-Press, 1932.

⁹ Об этой стороне деятельности Бицилли см. главу „П. Бицилли в поле русской эмигрантской школы в Болгарии в 20–30-х годах XX века“ в моей монографии „*Да се даде ръководеща нишка...*“: История на руската литература от проф. П. Бицилли в три книги (България, 1931–1934 г.). София: Факел, 2017, с. 164–306.

1932 г. В августе–сентябре 1931 г. профессор выезжал в научную командировку в Париж, он хотел закончить некоторые свои научные труды и намеревался работать в Парижской национальной библиотеке с изданиями и монографиями, необходимыми для подготовки его лекционных курсов¹⁰. Судя по всему, именно во время этой поездки он собирал источники для хрестоматии, недоступные ему в Софии. Вероятно, был собран достаточно большой массив текстов¹¹, относящихся к русской литературе XVIII века, который не мог уместиться в хрестоматию: известно, что были жесткие требования ее объема. Кроме того, жанр учебного пособия ограничивал ученого и требовал адекватных своему предназначению комментариев. Нужен был другой текст, который дописал бы те „основные точки зрения, которые возникли в уме автора“¹² во время работы над хрестоматией. Подобное продолжение не было новостью для Бицилли: так, после его первой книги „Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века“ (1916) появились „Элементы средневековой культуры“ (1919), которые он назвал „известным остатком“, „отложившимся“ в результате работы над его первой книгой¹³. Если учесть, что вторая хрестоматия печаталась „с молниеносной быстротой“ в апреле 1932 г.¹⁴, можно предположить, что профессор начал работу над „*Домашней* литературой ...“ после ее составления, т. е. весной 1932 г.

Между хрестоматией и текстом-„остатком“ наблюдаются совпадения, которые можно обнаружить как на уровне выводов профессора, так и на уровне цитированных заглавий и авторов: Житие протопопа Аввакуума; Записки кн. Н. Б. Долгорукой; Записки М. Данилова; Записки А. Т. Болотова; отрывки из писем графа Владимира Григорьевича Орлова к дяде Федору Григорьевичу Орлову (1785), Никиты Петровича Панина к будущей невесте, дочери графа Владимира Григорьевича Орлова (1789), кн. Цицианова В. И. Зиновьеву (1786); предисловие к „Езде в Остров любви“ Третьяковского, творчество Г. Державина, „Письма русского путешественника“ Н. Карамзина.

Во второй хрестоматии ведущей нитью расположения текстов и рефлексии было становление общего русского литературного языка. Составитель включает образцы деловых бумаг, отрывки из произведений, которые писались не для печати (частные письма, дневники, воспоминания), а также примеры публицистики, изящной словесности, драматургии. В статье Бицилли не рассматривает пласт, касающийся стихосложения, стихотворного языка и драматургии, присутствующий в хрестоматии, и направляет оптику своего метода микроскопического анализа на записки, мемуары и дневники, т. е. на литературу домашнего пользования, которую он обозначил как „домашнюю литературу“ или „домашнюю письменность“. Многие общие места в хрестоматии и статье повторяются почти дословно:

¹⁰ Подробнее об этой поездке на основании документов личного дела проф. П. Бицилли см.: Петкова, Г. „*Да се даде ръководеща нишка...*“, с. 310–312.

¹¹ Большая часть этого массива, впрочем, взята из журнала „Русский архив“, который хранится в Национальной библиотеке Болгарии.

¹² Использую выражение самого Бицилли из предисловия к книге „Элементы средневековой культуры“, Одесса: Гносис, 1919, с. 3.

¹³ Там же.

¹⁴ См. письмо Бицилли Вадиму Рудневу от 12 апреля 1932 г.: „... хрестоматия [вторая часть – Г. П.] печатается с молниеносной быстротой и на днях будет отпечатана полностью“. Цит. по: „«Современные записки» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них”: П. М. Бицилли / Публикация и примечания М. А. Бирмана и М. Шрубы; вступительная статья М. А. Бирмана. – В: „Современные записки” (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. Том 2. Москва: НЛО, 2012, с. 514.

Хрестоматия... Часть II. Литература XVIII века	Домашняя литература ... (перевод с немецкого)
<p>„Обычай писать свои воспоминания был широко распространен в 18 веке среди служилого дворянства. На свою службу люди, прошедшие петровскую школу, и их преемники смотрели как на священный долг перед родиной и естественным образом на склоне лет у них являлась потребность дать самим себе и своим близким отчет о всей прожитой жизни и деятельности“ (с. 6).</p>	<p>„Представители знати 18 в., вся жизнь которых исчерпывалась службой, подводили под конец жизни, после полученной отставки, итоги своей жизни для самих себя или для потомства. Один из средних мемуаристов того времени, П. И. Рычков (1712–1777), считает составление „записок“ гражданским долгом каждого“ (с. 383–384 в германском ежегоднике).</p>
<p>„Ко 2-ой половине 18 в. появляется новый слой образованных людей. [...] У дворян явился досуг, который многие из них старались заполнить умственными развлечениями. [...] Многие читатели увлекались литературой настолько, что хотели и сами быть писателями. Они писали для себя и для своих близких мемуары, дневники, письма, которым старались придать художественную форму и усердно работали над усовершенствованием своего языка“ (с. 91–92).</p>	<p>„Наоборот, вторая половина 18-го и первая половина 19-го в. были эпохами, когда возникла дворянская интеллигенция, когда появилась рефлексия, и при исследовании „домашней“ литературы надо учитывать эти положительные стороны в не меньшей степени, чем отрицательные, о которых говорит только что цитированный источник. Привычка предаваться воспоминаниям из-за скуки, из-за праздности создала для мемуарной литературы благоприятную психологическую атмосферу. И все-таки воспоминания, дневники писали и между собой переписывались прежде всего те люди, которые свободным временем и монотонной жизнью в деревне были заставлены обратиться к чтению и размышлению“ (с. 387 в германском ежегоднике).</p>
<p>„Усовершенствование себя в слогe“, как тогда выражались, было одною из целей, ради которой переписывались между собою. Писание писем считалось искусством, которым надлежало овладеть путем упражнений“ (с. 92).</p>	<p>„В большинстве случаев очень трудно провести границу между „литературным“ и „нелитературным“, просто на том основании, что сами пишущие очень редко преследовали при письме только одну цель: создавая письма и дневники, они стремились, с одной стороны, высказаться перед другим или перед собой, а, с другой стороны, <i>учились языку</i>, „упражнялись в стиле“, причем последнее изображалось как</p>

	решительный толчок писать“ (с. 400 в германском ежегоднике).
<p>„Болотов был большой любитель чтения и составил себе обширную библиотеку... он начал вести дневник, который продолжал всю жизнь. Этот дневник он обрабатывал литературно в форме „писем“ к вымышленному „любезному приятелю“.</p> <p>[...] Почему он избрал для своих мемуаров форму писем, Болотов объясняет так: „[...] что принадлежит до расположения описания сего образом писем, то сие учинено для того, чтоб мне тем удобнее и вольнее было рассказывать иногда что-нибудь и смешное“.</p> <p>Собственно Болотов следовал в этом уже установившейся моде. В форме писем писались тогда романы, описания путешествий, а также нередко и сочинения теоретического характера“ (с. 96).</p>	<p>„Еще в своей молодости, в Кенигсберге, во время Семилетней войны (он служил в армии), Болотов был страстным читателем. Он не только читал романы, но и переводил, для печати и из любви к предмету. [...] Записки он изложил на основе своих дневников, которые он начал вести еще в Кенигсберге; для этого он нуждался и в своей пространной переписке. Как это было для того времени обычным, он берег черновики собственных писем и ответы на них. [...] Свои „Записки“ Болотов дал в форме писем к фиктивному „любезному приятелю“. Он мотивировал это следующим образом: „[...] что принадлежит до расположения описания сего образом писем, то сие учинено для того, чтоб мне тем удобнее и вольнее было рассказывать иногда что-нибудь и смешное“ (Предисловие, написано в 1789 г.) [...] В общем, в „Записках“ Болотова применяются самые употребительные приемы тогдашней романной литературы“ (с. 389–390 в германском ежегоднике).</p>

Легко выявить и другие совпадения между комментариями хрестоматии и выводами статьи: формирование литературного языка в России и в Западной Европе на основе церковнославянского и латинского, учение Ломоносова о трех стилях, фигура Карамзина и его заслуги для утверждения „чувствительного“ направления (сентиментализма) в русской литературе, явление карамзинизма, влияние литературных источников на мемуары, массовая литература и вопрос о границах литературности. Намеченный анализ культуры помещичьих усадеб в хрестоматии разрастается и кристаллизуется в идею дворянского гнезда как очага русской культуры, ставшую концептуальным сюжетом, параллельным становлению литературного языка в немецкой статье. Как видим, *текст-остаток*¹⁵ получил самостоятельное жанровое бытие, транскрибируя в научное изложение комментарии в школьной хрестоматии.

Можно только предполагать, было ли у Бицилли намерение осуществить публикацию статьи на русском языке или он изначально выбрал ее переводное бытие в солидном германском ежегоднике? В номерах *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*, где вышла работа Бицилли, в 1933 г., печатали свои статьи П. Струве, С. Франк, А. Изюмов, А. Флоровский, В. Мякотин, Р. Плетнев. Со многими из них Бицилли состоял в

¹⁵ Здесь и далее курсив мой – Г. П.

переписке или был лично знаком. Большую роль в издательской политике ежегодника играл византист Георгий Острогорский, который с 1928 по 1933 г. читал лекции по истории Византии в Университете в Бреслау и был директором Культурно-исторического отделения Института Восточной Европы. Он поддерживал активные связи со многими русскими учеными-эмигрантами¹⁶. В архиве Бицилли, хранящемся в Пушкинском доме, сохранилось 13 писем Георгия Острогорского (1933–1946), а также оттиски его статей с дарственной надписью профессору Бицилли (1931, 1940)¹⁷.

Если статья была закончена после июня 1933 г., то работа над ней проходила в обстоятельствах, сложных для Бицилли. Осенью 1932 г. он переживал трудности, ставившие под вопрос его преподавательское место в Софийском университете. После заключения первого контракта с Министерством народного просвещения Болгарии 1 января 1924 г. и до конца 1920-х гг. договоры Бицилли о занятии должности „ординарного профессора новой и новейшей истории“ возобновлялись регулярно через каждые три года, какова была обычная практика. В конце 1920-х – начале 1930-х гг., однако, в связи с экономическим кризисом болгарские власти стали проводить политику финансовых ограничений и сокращения бюджетов во всех сферах. Рассматривая этот период жизни профессора, М. Бирман цитирует письма Бицилли М. А. Бакунину, в которых говорится о трудностях в университете, когда „министры настаивают на ряде увольнений профессоров по якобы бюджетным соображениям“¹⁸.

В письме от 29 сентября 1932 г. Министерство просвещения поставило в известность Университет, не указывая конкретные причины, что с 1 января 1933 г., когда кончался очередной трехлетний контракт, что его продления не последует. Меньше чем через месяц, 24 октября 1932 г., от имени преподавателей истории дуайен болгарской исторической науки проф. Васил Златарский направил Совету факультета доклад, в котором заявил о неоправданности отстранения Бицилли и мотивировал необходимость профессуры при кафедре новой и новейшей истории. Совет факультета поддержал доклад, который потом был одобрен и Академическим советом. На основании этих решений 25 ноября ректор Софийского университета обратился в министерство с просьбой учесть мнение историков и продлить срок контракта Бицилли еще на три года¹⁹. В письме М. А. Бакунину от 14 октября 1932 г. Бицилли не только сообщал, что его „контракт, срок которому истекает 1 января [1933 г. – Г. П.], возобновлен не будет...“²⁰, но и делился своими опасениями и предпринятыми шагами: „[...] в середине зимы я едва ли смогу найти себе какой-нибудь заработок. Писал я Г. В. Вернадскому, писал и другим – но везде кризис, везде Университеты сокращаются – и в Старом, и в Новом свете [...] Уехать

¹⁶ Ценная информация о проф. Г. Острогорском и о состоянии славистики в Германии в 1920–1930-е гг. мне была предоставлена коллегами из Констанца Евгенией Штейнберг и Сергеем Новожиловым, которым выражаю свою благодарность.

¹⁷ См.: Герашко, Любовь, Владимир Кудрявцев. Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского дома. – В: *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 годы*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009, с. 66, 168, 191.

¹⁸ Письмо П. Бицилли М. А. Бакунину от 15 июня 1932 г. Цитируется по: Бирман. П. М. Бицилли (1879 – 1953). Жизнь и творчество. Москва: Водолей, 2018, с. 159.

¹⁹ Эта корреспонденция, как и другие документы из личного дела проф. П. Бицилли, сохраненного в Архиве Софийского университета, были опубликованы в 2013 г. См.: Петкова, Г. Договоры, письма и доклады от „Личного дела на проф. П. Бицилли“. Публикация, подготовка текста, редакция и бележки. – В: *Класика и канон в руската литература. Чуждият поглед. Сборник текстове и документи*. София: Факел, 2013, с. 268–318.

²⁰ Цитируется по: Бирман. П. М. Бицилли (1879 – 1953). Жизнь и творчество. Москва: Водолей, 2018, с. 160.

отсюда стало теперь моей *idée fixe*...²¹. М. Бирман, ссылаясь на корреспонденцию Бицилли и Бакунина, заключает, что в эти тревожные месяцы Бицилли „заметался в поисках нового места работы“ и что „он был согласен уже на любое занятие и в любой стране“²².

В конце концов Университет сумел сохранить за Бицилли штатное место профессора. Контракт был продлен 24 января 1933 г. еще на три года – до конца 1935 года, но неизвестность, что будет дальше, не могла не беспокоить. Сегодня видим, что все контракты между 1936 и 1939 гг. заключались на год или на полтора года. Подобная редукция сроков, впрочем, касалась не только Бицилли, но и других профессорско-иностранцев по контракту.

Вероятно, именно в это время активизировались контакты Бицилли²³, в том числе и в поисках возможности для публикации его научных трудов в различных странах. Подобная стратегия должна была работать на самопрезентацию ученого и на расширение его известности в ситуации, когда профессор чувствовал нестабильность своего административного статуса.

Этими обстоятельствами можно объяснить и написание энциклопедической статьи „Krievu literatura“ („Русская литература“), которая была опубликована на латышском языке в девятом томе изданного в 1933 г. Латвийского энциклопедического словаря²⁴. Эта работа, если и писалась параллельно немецкой статье, то заканчивалась, вероятнее всего, после „Домашней литературы ...“. Судить об этом позволяет фрагмент, где говорится о Бунине – „мастере прозы“, „которому в 1933 г. присвоили Нобелевскую премию“²⁵. Известно, что информация об этом присуждении стала известна 9 ноября 1933 г. В латвийской статье Бицилли предлагает мини-конспект систематического курса русской литературы, и в части, посвященной XVIII веку, повторяются многие тезисы, уже сформулированные в хрестоматии и развернутые в немецкой статье. Термин „домашняя литература“ автор использует дважды:

„Романный стиль отражается и в **домашней литературе**²⁶, создавая романизованную автобиографию (записки Болотова, Винского и других)“²⁷
[Глава II, „18 век“ – Г. П.].

„Связь в развитии между классическим веком и предшествующим выражается в высокой поэтической культуре начала 19 века, а также в том обстоятельстве,

²¹ Там же, с. 160.

²² Там же.

²³ Кроме писем М. А. Бакунину, из списка адресатов Бицилли в его фонде в Пушкинском доме видно, что сохранившаяся переписка с П. Б. Струве и Г. А. Острогорским начиналась с 1933 г., как раз тогда, когда он обращался ко многим знакомым ученым-эмигрантам. См.: Герашко, Л. В. Кудрявцев. Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского дома ..., с. 66. Будущее издание корреспонденции Бицилли, вероятно, прольет свет и на публикацию „Домашней литературы ...“.

²⁴ Bicilli, P. Krievu literatura – In: Latviešu konversācijas vārdnīca. Sējums IX. Rīgā: A. Gulbja apgādībā, 1933, Burtņica 18373–18390 // Бицилли, П. М. Русская литература. Перевод с латышского Элины Васильевой [рукопись], 2015. Возможность познакомиться с переводом на русском языке латышского варианта я обязана профессору Даугавпилсского университета Элине Васильевой, которой выражаю свою благодарность.

²⁵ Бицилли, П. М. Русская литература [Krievu literatura]. Перевод с латышского на русский язык Элины Васильевой [рукопись], 2015, с. 10.

²⁶ Полужирный шрифт здесь и ниже мой – Г. П.

²⁷ Бицилли, П. М. Русская литература [Krievu literatura]..., с. 5.

что прозаические художественные тексты нередко приближались к такой распространенной в 18 веке **домашней литературе**, которая подготовила дорогу к расцвету классического романа²⁸ [Глава III, „19 век“ – Г. П.].

В начале 1934 г. Бицилли пишет „Краткую историю русской литературы“²⁹, которая была ему заказана в качестве учебника для эмигрантской школы. Она продолжает вторую хрестоматию хронологически и анализирует русское литературное развитие, начиная с Пушкина и кончая эмигрантской и советской литературой 1930-х гг. В главе „Общий характер русской литературы первой четверти XIX в.“ автор характеризует русскую литературу XVIII в. сквозь призму жанров и обращает внимание на специфические русские условия: „усадебная жизнь, преобладание частных отношений над общественными, слабое развитие журналистики, культ дружбы“³⁰. В этот контекст он вводит понятие „домашняя письменность“, используемое только раз во всей книге, объясняя, что „нередко письма к друзьям или дневники получали тщательную литературную обработку, как это было и в XVIII в.“³¹. Бицилли повторяет уже высказанные в немецкой статье идеи о роли мемуаров в становлении русской литературы, о живучести традиции домашней письменности в творчестве С. Аксакова и Л. Толстого. Пассажи об Аксакове в двух текстах почти идентичны:

Домашняя литература... (перевод с немецкого)	Краткая история русской литературы. Часть II-ая. От Пушкина до нашего времени (1934)
<p>„Сергей Тимофеевич Аксаков, отец известных славянофилов Ивана и Константина, который родился в 1791 г., был в своей молодости последователем Шишкова, известного противника Карамзина; он пробовал свои силы в литературе, писал и оставил также несколько (очень слабых) опытов напечатанными, потом он это дело бросил. На склоне жизни, следуя просьбе своих детей, он начал писать свою автобиографию и „Семейную хронику“ – историю своего деда и своих родителей на основе семейной традиции. Так был создан один из шедевров русской литературы классического периода“ (с. 413, в германском ежегоднике).</p>	<p>„Аксаков, происходивший из старинного провинциального помещичьего рода, воспитанный на классической литературе, но охладевший к ней впоследствии, глава семьи, бывшей одним из центров московских идеалистов (его сыновья Константин и Иван были видными славянофилами) стал писать свои воспоминания пожилым человеком для своих детей и по их просьбе. Он передает, что он знал по семейным рассказам, о своем дедушке, об отце и матери, о родных и близких [...]. Эти воспоминания овеяны тем же духом простоты, мудрости, внимательного и участливого отношения к жизни, что и лучшие мемуары русских людей XVIII в. – нач. XIX в. [...]“ (с. 35).</p>

²⁸ Там же, с. 6–7.

²⁹ Бицилли, Петр. Краткая история русской литературы. Часть II-ая. От Пушкина до нашего времени. София: Без изд., 1934.

³⁰ Бицилли, Петр. Краткая история русской литературы..., с. 12

³¹ Там же.

Вероятно, уже после „Краткой истории“ Бицилли вернулся к возможности опубликовать и в *Ежегоднике Софийского университета* работу, в которой дублирует „Домашнюю литературу ...“. Так, в 32-м томе за 1936 г. вышла на русском языке цитированная выше большая статья „К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в Новое время“. Основная нить авторской рефлексии в ней – становление русского литературного языка и развитие русской литературы, вклад в которое внесли памятники „внелитературной“ категории. Как было уже отмечено, профессор несколько раз ссылается на свою немецкую статью и, возвращаясь к идее, что русская культура была долгое время „по преимуществу деревенской, культурой дворянских гнезд“³², развивает ее. Приведу только один пример, в котором Бицилли реферирует пространную часть „Домашней литературы...“:

„Мы видим сколь условна грань, отделяющая „литературу“ (и фольклор) с ее языком, ее стилями, от памятников, находящихся „вне литературы“, и насколько необходимо считаться с последними, чтобы понять „литературу“ и как эстетический и как культурно-исторический факт. [...] Достаточно напомнить, что у Сакулина, в его обзоре истории русской литературы [...] не упомянуто ни словом о Житии Аввакума; что Сиповский, собравший такой колоссальный материал для истории русского романа [...] и постоянно ссылающийся на мемуарную литературу XVIII в., пользуется ею единственно как источником для истории „Быта и нравов“ и даже не затрагивает вопроса о влиянии литературных образцов на мемуары Болотова, Винского, Добрынина, Пищевича, которые с точки зрения их композиции, стилистических приемов сами являются настоящими романами [...]“³³.

Местами софийская публикация буквально повторяет германскую, но наблюдаются и приращения, как, например, интерес к стилистическим приемам сказа, которые Бицилли видит у многих „мастеров художественного слова“³⁴. Встречаются и редукции – любопытен факт, что в статье в софийском ежегоднике Бицилли отказался от сюжета о масонстве, явно присутствующего в „Домашней литературе...“. Показательна в этом отношении сходная рефлексия о мемуарах Анны Лабзиной:

Домашняя литература... (перевод с немецкого)	К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в Новое время (1936)
„Это воспоминания А. Е. Лабзиной. Как и „Заметкам“ Болотова, этому произведению тоже присуща заявка на „простоту“ и „бесхитрость“ [В сноске к „бесхитрости“: Оно так охарактеризовано таким исследователем, как Модзалевский (в предисловии к изданию Русской старины,	„Так поступает, напр[имер], Сиповский, а также Модзалевский, ограничившийся в своем предисловии к Воспоминаниям Лабзиной (изд. 1903 г.) такой их характеристикой: (они) „дышат откровенностью, простотой и безыскусственностью. ...Бесхитростный

³² Бицилли, П. К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в Новое время. – В: *Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет*. София, 1936, № 32, с. 25.

³³ Бицилли, П. К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в Новое время..., с. 32.

³⁴ Там же, с. 40.

<p>1903): „[...] воспоминания Лабзиной и дышут откровенностью, простотой и безыскусственностью [...]. Бесхитростный рассказ [...]“. Нужно однако уметь различать прямоту и открытость от бесхитростности. Воспоминания Лабзиной принадлежат (равно как и произведение Болотова), при всей недвусмысленной искренности, настоящей „литературе“. [...] Воспоминания Лабзиной являются примером нравоучительной масонской литературы, своего рода <i>Житием</i>“ (с. 398–399, в германском ежегоднике).</p>	<p>рассказ Анны Евдокимовны...“. На самом деле эти воспоминания любопытнейший образец сочетания житийного стиля и романического [...]“ (с. 33).</p>
--	---

Объем статьи „К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в Новое время“, опубликованной в *Ежегоднике Софийского университета*, – 44 печатных страниц³⁵. Объем „Домашней литературы ...“, опубликованной в *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*, – 40 печатных страниц. Количество печатных строк в болгарском ежегоднике – 48, а в немецком – 47. Сколь незначительную роль для аргументации ни играла бы эта арифметика, она говорит о приблизительно одинаковом объеме двух работ. Если были определенные требования к объему публикаций в *Ежегоднике Софийского университета*, то рискую предположить, что первоначально „Домашняя литература ...“ предназначалась для публикации в Софии. В этом случае текст не только переводил на научный язык идеи автора, высказанные в школьных хрестоматиях, но придавал им иной статус – статус научного труда. В сложных обстоятельствах 1932–1933 гг., вызванных неизвестностью продления контракта и угрозой потери профессорского места в Софийском университете, Бицилли постарался устроить свой текст в научное издание, которое упрочило бы его академическую репутацию за пределами Болгарии. Если подобная гипотеза вероятна, то возможно рассматривать в ее пользу *соблазняющее* заглавие, в котором сформулирован главный концепт рефлексии („домашняя литература“), – для авторитетного германского ежегодника, в отличие от традиционного, даже непритязательного заглавия научного труда – „К вопросу о характере ...“ – для ежегодника в Софии. Сюда я бы добавила и сюжет о масонстве, развернутый в „Домашней литературе ...“ и отсутствующий в других работах Бицилли, о которых шла речь. Может, он обеспечил бы тексту добавочную референциальность, а его автору – бóльшую видимость в ситуации поиска нового места работы?

„Домашняя литература ...“ составлена из двух кусков текста, связанных знаком „три звездочки“: подобная паратаксичность характерна для работ Бицилли, не только опубликованных в *Ежегоднике Софийского университета*. Каждый из кусков, однако, не замкнут хронологией (XVIII и XIX век) и внутри себя имеет такую же зернистую

³⁵ Соседняя этой статье в том же томе *Ежегодника Софийского университета* за 1936 г. работа болгарского лингвиста Владимира Георгиева тоже содержит 40 печатных страниц. Работа Бицилли „J.J. Rousseau et la Démocratie“ („Ж.-Ж. Руссо и демократия“), опубликованная на французском языке в *Ежегоднике Софийского университета* за 1928 год (том 24/4), тоже содержит 40 печатных страниц.

структуру, нанизывающую наблюдение за наблюдением и трудно переходящую на уровень синтеза, т. е. некоего обобщающего вывода. По объему куски или части (при всей условности этого обозначения для „Домашней литературы ...“) довольно асимметричны, при этом между ними наблюдаются тематические скрещения, подобные линкам. Повторение одних и тех же выводов в двух частях наталкивает на мысль о возможном их вторичном соединении под общим заглавием:

1 часть	2 часть
„Домашняя“ литература сыграла таким образом в России ту роль, которую сыграла литература салонов, кружков и „академий“ в Западной Европе“ (с. 401–402, в германском ежегоднике).	„Писание писем, дневников, воспоминаний имеет в России ту роль для поднятия общей языковой культуры, для обогащения повседневного языкового запаса и в равной мере для [их] упрощения и рационализации, какую в Европе сыграли „салоны“, „академий“ и клубы [...]“ (с. 412, в германском ежегоднике).

Трудно предполагать, но все же не исключаю возможность, что это были тексты, предназначенные для различных публикаций или имевшие различное бытие и впоследствии сшитые вместе последним абзацем. В нем – главный тезис автора, которому он подчинил свою рефлексию и микроскопические наблюдения над языком многих произведений.

Для дискурса „Домашней литературы...“ характерна та же тенденция к скорописи и автокоммуникативности, которую можно наблюдать и в „Хрестоматии“, и в „Краткой истории“³⁶, и которую переводы – на немецком (вероятно) и с немецкого (очевидно) – смогли передать. Среди элементов цинцинатовского стиля отмечу многочисленные пояснения в круглых скобках, многие из которых годятся в сноску под текстом или могут эмансипироваться и превратиться в мини-экскурсы, но в любом случае полифонизируют текст³⁷; профанизированное цитирование, когда цитата в спешке манипулируется или реферируется; предложения-монстры, ставящие под сомнение синтаксические связи и категории, использование анаколупных конструкций. Все перечисленное усиливает эффект спонтанно зафиксированной мысли, своеобразной исследовательской глоссолалии, которые ставят под сомнение письменный статус текста и превращают его в некий конспект индивидуального пользования. Именно так, впрочем, строятся и другие обсуждаемые здесь работы

Писалась ли „Домашняя литература...“ для *Ежегодника Софийского университета*, предназначалась ли изначально для германского славистического издания или в ее публикации было многое из того, что можно назвать *случайностью* эмигрантского быта, несомненен факт, что статья принадлежит *Тексту о русской*

³⁶ Подробно дискурс Бицилли в этих работах рассматриваю в своей монографии „*Да се даде ръководеща нишка...*“: История на руската литература от проф. П. Бицили в три книги (България, 1931–1934 г.). София: Факел, 2017, с. 412–425; 582–588.

³⁷ Например, в уточнениях типа „(Дон Кихот!)“, „(Ричардсон!)“, „(Сатирикон!)“, „(переписка с его „бешенством“, Ал. Тургеневым!)“ акцент скорее поставлен на восклицательном знаке. Подобные внутритекстовые примечания маркируют смысловой сгусток, распознаваемый автором, но являющийся испытанием для читателя.

литературе³⁸, над которым Бицилли работал в первой половине 1930-х гг. Призма дворянского гнезда и русского дома, однако, создавала в ней подводное течение, актуализирующее не только для эмигрантского читателя, но и для самого автора, особые автобиографические смыслы. Таким образом, концептуализация русского литературного и языкового развития раскрывала интерес к самопознанию, а научный дискурс становился памятью об утраченной России.

Библиография:

1. Бирман, М. Н. Л. Гурфинкель – переводчик и издатель трудов П. М. Бицилли. – В: *Русское еврейство в зарубежье. Статьи, публикации, мемуары и эссе*. Том 5 (10). Составитель, главный редактор и издатель М. Пархомовский. Иерусалим, 2003, с. 33-40.
2. Бицилли, П. Хрестоматия по истории русской литературы. Часть I. Народная словесность и литература допетровского времени. София: Издание Российского земско-городского комитета, 1931.
3. Бицилли, П. Хрестоматия по истории русской литературы. Часть II. Литература XVIII века. Париж: Издание Родина и Родная речь. Склад издания YMCA-Press, 1932.
4. Бицилли, П. М. Русская литература [Krievu literature]. Перевод с латышского Элины Васильевой [рукопись], 2015.
5. Бицилли, П. Краткая история русской литературы. Часть II-ая. От Пушкина до нашего времени. София: Без изд., 1934.
6. Бицилли, П. К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в Новое время. – В: *Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет*. София, 1936, № 32, 3–46.
7. Бицилли, П. „«Современные записки» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них“: П. М. Бицилли / Публикация и примечания М. А. Бирмана и М. Шрубы; вступительная статья М. А. Бирмана. – В: „Современные записки“ (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. Том 2. Москва: НЛЮ, 2012, 501–686.
8. Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940) Сборник статей и материалов. Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2010.
9. Вомперский, В. П. Петр Михайлович Бицилли. Жизненный и творческий путь. – В: Бицилли, П. М. Избранные труды по филологии. Москва, Наследие, 1996, с. 6–21.
10. Герашко, Л., В. Кудрявцев. Фонд профессора П. М. Бицилли в Рукописном отделе Пушкинского дома. – В: *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 годы*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2009, с. 57–222.
11. Петкова, Г. Договоры, письма и доклады от „Личного дело на проф. П. Бицилли“. Публикация, подготовка на текста, редакция и бележки. – В: *Класика и канон в руската литература. Чуждият поглед. Сборник текстове и документи*. София: Факел, 2013, 268–318.

³⁸ Начало, скорее, вход в этот *Текст* – доклад „Язык и народность (К вопросу об образовании русского литературного языка)“, прочитанный на V-ом съезде русских академических организаций за границей, который проводился в Софии 14-21 сентября 1930 г., а выход из него – работа „К вопросу о характере русского языкового и литературного развития в Новое время“; его основная нить – выявить тенденции становления литературного языка и развития русской литературы в их взаимосвязанности, представить модель систематического прохождения русской литературы. Его дописывание во времени соответствовало логике объявления лекционных курсов профессора. В течение нескольких последовательных семестров присутствовали сходные названия и, очевидно, схожая проблематика рассматривалась с разных точек зрения до тех пор, пока внимание лектора не переходило к другому тематическому узлу. Возврат к русской литературе и русскому языку в жанре непритязательных „заметок“ после переворота 9 сентября 1944 г. в Болгарии продиктован совсем иной логикой.

12. Петкова, Г. „*Да се даде ръководеща нишка...*“: История на руската литература от проф. П. Бицили в три книги (България, 1931–1934 г.). София: Факел, 2017.
13. „*Современные записки*” (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. Том 2. Москва: НЛЮ, 2012.
14. Bicilli, P. Krievu literatura – In: *Latviešu konversācijas vārdnīca*. Sējums IX. Rīgā: A. Gulbja apgādībā, 1933, Burtnica 18373–18390.
15. Bicilli, P. Die „Haus“-Literatur und der Ursprung der klassischen Literatur in Russland. – В: *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*, 1934, № 10 (3/4), s. 382–420.